

Принц Оберин Мартелл

Оберин Мартелл был не слишком доволен возвращением на Драконию Камень. Когда Доран впервые приказал ему отправиться туда в качестве представителя семьи, он наотрез отказался. Он бы и дальше так делал, но тут Доран рассказал ему о своей весьма странной встрече с Оленной Тирелл почти два года назад. Есть все шансы, говорил Доран, что назревает новая война, в центре которой каким-то образом окажутся Эртур Дейн и его незаконнорожденный племянник, и они не смогут позволить себе сидеть сложа руки. Оберин, несмотря на свое желание быть где угодно, только не на предстоящей свадьбе Старка и Тирелл, согласился с необходимостью собрать как можно больше информации заранее.

И все же это была одна из самых трудных вещей, которые ему когда-либо приходилось делать, снова ступить на скалистый, унылый остров после стольких лет, когда он никогда прежде не был здесь без Элии. Хотя рана, которую оставила на нем смерть сестры, почти полностью зарубцевалась за последние тринадцать лет, острая, почти невыносимая боль от нее притупилась до постоянной пульсации, которая, хотя и никогда не была такой сильной, была чем-то, с чем он почти мог жить. Он сжал руку Элларии в своей и постарался не думать о тех временах, когда он навещал здесь Элию и Рейгара, о том, как он сажал Рейни на колени и прогуливался по портовому рынку, который теперь казался еще более оживленным и шумным, чем тогда. Ему не удалось так успешно изгнать призрак сестры, как он надеялся, но ведь он никогда и не пытался. "Все будет хорошо, любовь моя", - сказала ему Эллария непривычно мягким голосом. "Мы пробудем здесь всего несколько дней. Тогда ты сможешь доложить своему брату в Водяных Садах, и нам никогда больше не придется ступать на этот проклятый остров".

Оберин отрывисто кивнул и каким-то чудом удержался на ногах, когда они вошли в замок. Их приветствовал Джон Старк, по бокам которого сидели Эртур Дейн и мальчик Тиреллов. Мальчик-Старк был достаточно хорош собой для ребенка, но ничего особенного. Оберин не заметил ни капли крови Дейнов на его лице, которое было таким же Северным, как и у неё. Его сходство с той девчонкой Старкой, которая похитила мужа Элии, приносило почти физическую боль. И все же Оберин выдержал взгляд мальчика и склонил голову в знак приветствия. Он подождал, пока какой-нибудь лакей представит его, а затем положил руку на поясницу Элларии и вывел ее на всеобщее обозрение. "И это Эллария Сэнд", - добавил он, представившись самостоятельно. "Моя любовница". Мстительный зверь, выросший в глубине его желудка за последние тринадцать лет, возбужденно ворковал, предвкушая, как мальчик будет корчиться.

Джон Старк даже не поморщился. Он взял руку Элларии и поцеловал ей костяшки пальцев, называя ее Миледи без малейшего намека на презрение или насмешку в голосе. Оберин запоздало вспомнил, что первые восемь лет своей жизни этот мальчик тоже носил имя Сэнд, так что, возможно, оно скорее будет вызывать у него симпатию к Элларии, чем отвращение. Невольно он почувствовал первые признаки уважения к щенку. "Вы позволите мне остаться с вашими сестрами, Милорд?" Спросила Эллария. Это было еще одно испытание, но в ее голосе звучало неподдельное веселье, и Оберин вспомнил, что, несмотря на всю силу Элларии, несмотря на то, что она притворялась, что слова и чувства этих мелочных лордов никогда не доходили до нее, ей не всегда легко выносить это или она не справлялась с этим так хорошо, как ей казалось.

Джон Старк широко и искренне улыбнулся, а Оберин онемел. Потому что он знал эту улыбку. Ему все еще снилась эта улыбка, и он просыпался со слезами на глазах, так отчаянно нуждаясь в крови Амори Лорха, что иногда думал, что это сведет его с ума. Это была улыбка Рейнис, а до

нее - Рейгара. Он не мог оторвать глаз от лица мальчика, и вдруг, приглядевшись внимательнее, увидел, что черты его лица не такие уж Старковские. Он почти не видел Рейгера и даже Эйриса. Но он видел отражение Рейллы в его заостренном подбородке и полных, очерченных губах, в изящном изгибе длинных, густых ресниц. Однако его телосложение было полностью Рейгара, и, стоя там, окруженный Эртуром Дейном и оруженосцем Тиреллом, сам воздух вокруг него, казалось, кричал правду.

Клянусь богами. Эддарду Старку удалось то, что не удалось Оберину. Как и Оберин, он не смог спасти свою сестру, но ее ребенок все еще был жив. Первой инстинктивной реакцией Оберина было почти непреодолимое желание схватить кинжал, висевший у него на поясе, и вонзить его в сердце мальчика. Он не имел права быть живым, дышать, быть сильным и процветающим, когда Рейнис и Эйгон давно ушли, когда собственная кровинка Оберина была убита самым ужасным образом. Именно добродушное подшучивание мальчика над Элларией, когда он продолжал говорить с ней, обращаясь с ней как с равной, остановило его руку. Именно память о сестре заставила его полностью игнорировать этот порыв.

В другом мире, где жила бы Элия, а Лианна Старк все еще была мертва, сестра Оберина без колебаний взяла бы мальчика к себе. Элия была такой же доброй, мягкой и милой, когда Оберин слишком остро ощущал свои шипы и острые углы. Сердце Элии сразу же потянулось бы к ребенку, оставшемуся без матери, как сердце Элларии к дочерям, которых Оберин зачал до нее, и она настояла бы на том, чтобы растить его вместе с братом и сестрой. 'Он все еще кровь нашей крови, помни', - сказала бы она. 'Вспомни Марию Мартелл и Дейнерис Таргариен'. Она бы кормила его из своей собственной груди, если бы могла. А Оберин все еще любил свою сестру достаточно сильно, чтобы попытаться, по крайней мере, увидеть мальчика таким, каким он мог бы быть, а не таким, каким он был. Забыл бы, что это дитя войны, которое было живо, когда его брата и сестры не было, и узнал заново мальчика, который мог бы вырасти самым близким другом и товарищем Эйгона, прячась за юбками Элии, когда мир становился невыносимым, человека, который мог бы присоединиться к Королевской Гвардии или стать Десницей Короля Эйгона. Забыл бы о преступлениях родителей мальчика и помнил, что в этом другом, воображаемом мире Джон Старк - или как там его на самом деле зовут - вырос бы, называя Оберина дядей. Еще одна из тех вещей, в которых, как он не сомневался, настояла бы Элия. Если бы Боги были добрее, этот мальчик провел бы самые жаркие луны своего детства, плескаясь в Водных Садах с дочерьми Оберина. Он научился бы держать оружие рядом с племянниками Оберина, нянчился бы с Рейнис, которая всегда любила набивать голову темными локонами на своих любимых куклах.

В этом мире... В этом мире Оберин сомневался, что мальчик никогда не станет источником боли. Но более того, он был их лучшим шансом отомстить. Он был их лучшим шансом свергнуть Баратеонов и Ланнистеров и потребовать справедливости для своих убитых братьев и сестер. Элия, когда ее собственные дети были мертвы, сама посадила бы его на трон, будь она жива для этого.

Оберин знал, что лучше не говорить с Джоном Старком напрямую. Он понятия не имел, как много мальчик знал о великой игре, которая велась с ним в самом ее центре. Вместо этого он схватил Эртура Дейна за плечо при первой же возможности. "Я поговорю с Дораном", - пообещал он. "Я сделаю все, что в моих силах, чтобы твой король получил наши копы".

Эртур схватил его за плечо в ответ, сжал, не говоря ни слова, и пошел прочь. Больше никаких слов не требовалось.